

**АНОНИМУС
РЕКОМЕНДУЕТ!**

О.&Ю. АВЕРИНЫ КЛЮЧ С ПРАВОМ ПЕРЕДАЧИ ИЛИ СМЕРТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДСТВО

Анонимус рекомендует

Ольга Аверина

**Ключ с правом передачи,
или Смертельное наследство**

«СОЮЗ»

2026

Аверина О.

Ключ с правом передачи, или Смертельное наследство /
О. Аверина — «СОЮЗ», 2026 — (Анонимус рекомендует)

ISBN 978-5-60-554523-1

В театре прямо во время спектакля умирает Александра Сергеевна — одна из последних представительниц знаменитой купеческой династии Кондаревых. Ее старшая сестра Серафима считает, что Александру убили, ведь буквально на днях сестры проходили полное медицинское обследование и никаких проблем со здоровьем выявлено не было. Но кому могла помешать милая безобидная старушка и кто мог быть заинтересован в ее смерти? Варя и Леля на правах давних знакомых семьи берутся за расследование и узнают много интересного о спрятанных сокровищах, семейном проклятии и других тайнах старинного рода Кондаревых.

ISBN 978-5-60-554523-1

© Аверина О., 2026
© СОЮЗ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Аверина, Ольга Аверина

Ключ с правом передачи, или Смертельное наследство

© Ю. Аверина

© О. Аверина

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава 1

Сестры

Фарфоровая кукла зыбкий фантом человека, иллюзия действительности, воплощение красоты, изыска и загадки. Бережно хранимые и передаваемые из поколения в поколение, куклы невольно становятся молчаливыми свидетелями человеческих судеб и надежными хранителями страшных семейных тайн.

Серафиме не было и шести, когда, роясь в мамином сундуке, она извлекла из его недр хрупкую фарфоровую красавицу. Огромные голубые глаза на прелестной розовой мордашке глядели на девочку с благодарностью и восторгом, будто радуясь неожиданному освобождению и внимательно разглядывая новую хозяйку. В золотых кудрях запутались нитки, с плеч свисало потрепанное боа, пышные оборки на нежно-розовом платье местами проела моль, но Серафима не замечала таких мелочей, она смотрела на куклу с немим восторгом и не верила своему счастью. Это была любовь с первого взгляда, любовь, которая со временем переросла в серьезную привязанность и стала главным делом всей ее жизни.

После Лизы, так Симочка назвала свою находку, было множество других фарфоровых красавиц, дорогих, редких и, возможно, более достойных гордости и обожания, однако никто из них так и не смог сравниться с ее первой куклой, куклой, которая положила начало обширной коллекции Серафимы Кондаревой. Именно Лизу она считала своим счастливым талисманом и берегла как зеницу ока. Но тогда, зимой 1941 года, ни о какой коллекции не было и речи. Замирая от счастья и бережно прижимая к груди хрупкую красавицу, девочка в нерешительности застыла возле раскрытого сундука, размышляя, как лучше рассказать матери о своей находке.

– Разве я позволяю тебе рыться в моем сундуке? – В комнату неслышно вошла Елена Павловна. Щеки ее покраснелись от мороза, голос звучал строго, но глаза под густыми, темными, будто нарисованными кистью художника бровями, смеялись.

От неожиданности Серафима вздрогнула и чуть не выронила из рук свою драгоценную находку.

– Мамочка, ты уже дома? – пролепетала она, – не слышала, как хлопнула дверь. Прости, я просто хотела еще раз полюбоваться на старинные кружева и на бабушкины наряды. Помнишь, – ты сама мне показывала!

– Помню, помню... – Елене с трудом удавалось сохранять строгий тон, до того потешной была испуганная мордашка дочери.

Огромные карие глаза Серафимы, точная копия материнских, отражали одновременно счастье от обладания новой игрушкой, испуг перед рассерженной матерью и страх потерять только что приобретенное чудо.

– Знаю, мамочка, ты не любишь, когда я трогаю твои вещи без спросу... взволнованно бормотала Сима, – но поверь, больше такое не повторится! Никогда в жизни! Она с трудом оторвала от себя куклу и, погладив на прощанье розовую фарфоровую щечку, положила находку обратно в сундук.

– Что, понравилась? – Елена не сводила глаз со старшей дочери, на лице девочки было написано неподдельное горе, но она держалась молодцом и не проронила ни слезинки. «Наша порода, – с гордостью подумала мать, настоящая Кондарева».

– Да как же она может не понравиться! – косясь на лежащую с самого верха куклу, воскликнула Симочка. – Это же настоящее чудо!

– Это игрушка не простая. – Елена неторопливо подошла к сундуку и, взяв фарфоровую красавицу в руки, уселась вместе с ней на диван. Иди сюда, я тебе кое-что покажу. Она

раздвинула золотистые, слегка спутанные кудри, и Симочка увидела на затылке хорошо различимую метку. – Видишь, это клеймо французского мастера XIX века Жюля Николаса Стейнера, первого производителя шагающих и говорящих кукол. Эта вещица настоящее произведение искусства, ею играла еще твоя прабабка, а мне она досталась от матери, твоей бабушки Пелагеи. Эта кукла большая редкость и наша семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение по женской линии. Ты как старшая из сестер ее следующая хозяйка, береги ее, доченька, и помни: что бы ни случилось, она должна остаться в нашей семье!

– Мамочка, как здорово! – Симочка вскочила с дивана и захлопала в ладоши. – Значит, скоро я смогу играть этой прекрасной игрушкой!

– Думаю, да, – с улыбкой ответила Елена.

– А когда, мамочка, когда же это случится? – От нетерпения девочка даже запрыгала на месте.

– Когда... – Сдвинув брови и подняв глаза к потолку, Елена сделала вид, что глубоко задумалась: Наверное, когда ты станешь достаточно взрослой, аккуратной, а главное бережливой. Ведь такую красоту очень легко разбить.

– Мамочка, так ведь я очень, очень бережливая, – тут же затараторила Симочка, – и аккуратная, честное слово! Ты спроси у бабушки, она подтвердит! Может, мне уже можно взять Лизу?

– Лизу, – мать удивленно приподняла брови, – ты назвала куклу Лизой?

– Да, – испуганно пробормотала девочка, – но если у нее уже есть другое имя...

– Да нет, ты попала в точку. Ее настоящее имя Элизабет, по крайней мере так утверждает твоя бабушка, а она никогда ничего не забывает и не путает. Ну что ж, Елена задумчиво взглянула на куклу, – раз вы уже познакомились, держи! – И она протянула ошалевшей от счастья дочери фарфоровую красавицу. – Только хорошенько береги ее и никогда не выноси из дома, обещаешь?

– Обещаю! – прошептала Серафима и сдержала данное матери слово.

Старинные часы на стене показывают начало четвертого, но за окном уже спускаются ранние декабрьские сумерки. Верхний свет в комнате погашен, горит только настольная лампа, из примостившегося на подоконнике приемника доносится Первый концерт для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского. Сима всегда работает под музыку, она помогает ей сосредоточиться и не дает отвлекаться на посторонние мысли, ведь реставрация старинных кукол дело тонкое, кропотливое и требует полной отдачи. На столе перед ней в идеальном порядке разложены кисти различных размеров, всевозможные ножницы, пилочки, скребки, тюбики с акриловыми красками, пакетики со шпаклевкой и бутылочки с лаком. Разборка куклы уже позади, теперь Серафиме предстоит хорошенько ошкурить все детали и восстановить рельеф.

– Потерпи, моя девочка, – ласково шептала она, ловко орудуя крохотным кусочком наждачной бумаги, совсем скоро ты будешь краше прежнего.

Привычным движением руки Сима сыпанула в стеклянную миску небольшую порцию шпаклевки и, добавив воды, принялась тщательно размешивать.

– А то негоже такой красавице расхаживать с треснутым носом и отломанным мизинцем.

– Сима! – В комнату с недовольным видом заглянула Александра. – Ты что, не слышишь, как надрывается звонок, неужели трудно оторваться и открыть дверь? Серафима в недоумении уставилась на сестру.

– Прости, дружок, но я действительно не слышала.

– Конечно, ты, как обычно, витаешь в облаках и ничего вокруг не замечаешь, кроме своей работы, – села на излюбленного конька Саша. – А рядом с тобой, между прочим, живые люди, нуждающиеся в общении и элементарном внимании!

– Ну все, иду, иду, не ворчи понапрасну, – Серафима с сожалением вернула кисть на место. Так тщательно сделанная шпаклевка наверняка засохнет, придется разводить другую, а в пакетике осталось совсем чуть-чуть, раза на два, не больше. Нужно попросить Ленечку съездить на строительный рынок, где в одном-единственном павильончике продают пригодную для работы шпаклевку. Вдохнув, она тяжело поднялась из-за стола. В свои семьдесят четыре Серафима держалась молодцом, ее ум был по-прежнему острым, руки ловкими, вот только ноги подводили. Застарелый артроз не давал покоя, и порой Симе по нескольку дней приходилось безвылазно сидеть дома, делая компрессы и примочки.

– Теперь уже не надо, – не унималась Саша, – которой из-за рассеянности сестры пришлось оторваться от важной процедуры: она красила волосы и одновременно накладывала на лицо питательную маску, – конечно, мне же гораздо легче бросить все свои дела и открыть дверь. Подумаешь, сегодня у меня выход в свет, это же сущие пустяки по сравнению с твоими старыми куклами.

Александра была на четыре года младше сестры и, несмотря на свои шестьдесят девять, продолжала считать себя весьма привлекательной дамой бальзаковского возраста. Веселая, общительная, легкая на подъем, Александра Сергеевна Кондарева вела весьма бурную светскую жизнь и всегда с удовольствием посещала все концерты, выставки и лекции, которые ежемесячно устраивали для пенсионеров благотворительные организации.

– Куклы не старые, а старинные, – тихо поправила сестру Сима, – и что именно ты называешь выходом в свет?

– Как что? Сегодня же 15 декабря! Вечером мы идем в театр! Забыла?

– Точно, – Серафима недовольно поморщилась, – совершенно вылетело из головы. Саш, а может, это ошибка или чей-то дурацкий розыгрыш? Ну с какой стати кому-то понадобилось засовывать билеты в наш почтовый ящик?

– Отстань, Сима, вечно ты все усложняешь, а может, это мой тайный поклонник...

В этот момент в дверь снова настойчиво позвонили, и, забыв о споре, обе сестры бросились открывать.

– Теть Саш, тетя Сим, я не вовремя? – На пороге растерянно топтался сосед по лестничной клетке Леонид Кашин.

Вид у него был настолько комичный, что хозяйки квартиры не удержались от улыбки. Из одежды на Ленечке были только трикотажные спортивные брюки с сильно оттянутыми коленками и женский цветастый фартук, надетый прямо на голое тело. Жидкие, давно не знавшие рук парикмахера волосы были изрядно всклокочены, будто он только что вскочил с кровати, а глаза за толстыми линзами очков шурились виновато и слегка испуганно. Картину завершал допотопный утюг, который Леонид бережно прижимал к груди.

– Что ты такое говоришь, Ленечка, – с трудом сдерживая смех, заговорила Александра. – Ты всегда вовремя. Проходи скорее, не стой на сквозняке. Может, чайку или ты кушать хочешь? Да поставь ты свой утюг, что ты с ним обнялся?

Леонида Кашина сестры считали почти родственником. Сын соседки по лестничной клетке, он вырос на их глазах, и не нажившие своих собственных детей Серафима и Александра часто баловали мальчика, то покупая ему обновки, то угощая сладостями. Уже в раннем детстве стало понятно, что мать-природа обделила Ленечку Кашина внешними данными. Из смешного мальчишки с забавными толстыми щечками, жидкими пегими волосенками и курносом носом, на котором с раннего детства сидели очки с толстенными линзами, вырос неуклюжий, стесняющийся своей непривлекательной внешности подросток, а потом и робкий, сторонящийся женщин молодой мужчина. В то время, когда его ровесники бегали по дискотекам и ухаживали за девушками, Леонид усердно учился. Надо отдать должное все той же матери-природе, обделив мальчика красотой, она наградила его острым, пытливым умом и почти феноменальной памятью.

– Спасибо, я не голоден, – помотал головой Ленечка, еще крепче прижимая к себе утюг, – у меня к вам дело, чрезвычайно срочное и важное.

– Давай выкладывай свое дело, – улыбнулась Серафима, книжка, что ли, какая срочно понадобилась?

Одна из трех комнат в квартире сестер Кондаревых была полностью отдана под библиотеку. Книги начал собирать еще их дед, купец первой гильдии Павел Петрович Кондарев, потом свой весомый вклад в собрание внес их отец, генерал-лейтенант инженерных войск Сергей Христофорович Левицкий, да и сами сестры были заядлыми библиоманами, поэтому Ленечке не было нужды записываться в районную библиотеку, все необходимые книги всегда были у него под рукой.

– Нет, дело совсем не в книгах, – тяжело вздохнул Кашин, – у меня беда, утюг сломался!

– Признаться честно, – усмехнулась Саша, – я даже не ожидала, что в твоём небогатом хозяйстве имеется это чудо цивилизации. С тех пор как умерла Галочка, я ни разу не видела тебя в отглаженных сорочках.

– Я сам с трудом отыскал его на антресолях, среди моих старых учебников и елочных украшений, – смущенно пробормотал Леня, – включил в розетку, а он не греется! – Да чего ж ему греться-то, судя по дизайну, он ровесник моему дедушке. Его дело – стоять на музейной полке, в зале дореволюционного быта, – Саша скептически покрутила в руках допотопный утюг, – не думаю, что твоя мама гладила белье именно им, уж больно он грязный и ржавый.

– Возможно, – развел руками Леонид, – но больше я ничего не нашел. Так вы меня выручите?

– Конечно, дружок, тащи, что там тебе надо погладить, – Серафима с сожалением поглядела на Кашина. – С тех пор как три года назад от внезапно разорвавшейся аневризмы умерла их соседка Галочка, этот великовозрастный ребенок остался один-одинешенек, ни друзей, ни родственников, ни любимой девушки. В свои тридцать четыре он был совершенно не приспособлен к быту и, если бы не помощь сердобольных соседок, окончательно пропал бы в одиночестве.

Буквально через пару минут Леня вернулся с ворохом одежды и принялся торопливо раскладывать на гладильной доске брюки, пиджак, белую сорочку, темно-синий с голубыми разводами галстук и даже серые, заштопанные на пальце носки.

– Вот, – смущенно улыбнулся он, – вроде все!

– Ничего себе! – Обе сестры с нескрываемым любопытством уставились на соседа.

– В честь чего это такой парад? – поинтересовалась Сима, беря в руки новый, еще с магазинной биркой, галстук. – Неужели тебя повысили, и ты начнешь ходить на работу, как приличный человек, а не в поношенном свитере и затертых джинсах?

– Что вы, тетя Сима, – замахал руками Леонид, – о каком повышении вы говорите, я ведь молодой специалист, а на руководящие посты назначают проверенных и опытных сотрудников...

– Ну да, – в сердцах проворчала Серафима, – с твоим-то рвением и амбициями ты так и уйдешь на пенсию молодым специалистом...

Еще в школе Леонид Кашин серьезно увлекся историей и, несмотря на настойчивые протесты матери, поступил в совершенно не перспективный для мальчика историко-архивный институт. В то время, когда Галина Петровна мечтала видеть своего талантливого сына знаменитым математиком, физиком или, на худой конец, экономистом, он просиживал ночи напролет в архивах и исторических библиотеках, пытаясь поглубже проникнуть в суть истории России и ее народа. К концу учебы основным объектом его изысканий стал период между Февральской буржуазно-демократической революцией и октябрьским переворотом. Отречение Николая II, передача верховной власти Временному правительству, выборы в Учредительное собрание и установление двоевластия интересовали Леонида куда больше, чем его соб-

ственная карьера и перспектива роста в профессии. Преподаватели в один голос твердили, что у мальчика большое будущее и его диплом тянет на кандидатскую, однако, защитившись, непредсказуемый Кашин снова поступил по-своему. К всеобщему удивлению, он наотрез отказался от аспирантуры, а устроился младшим архивистом в Московский центральный исторический архив, где и работает по сегодняшний день.

– Я догадалась! – включая утюг и раскладывая на гладильной доске сорочку, проговорила Саша. – К вам в архив приезжает иностранная делегация, и тебя как одного из самых молодых и талантливых сотрудников прикрепили к ним в качестве гида? Правильно говорю?

– Не, тетя Саш, не угадали, – замотал головой Кашин, – редких иностранных гостей наша директриса сопровождает самолично, не доверяя никому эту почетную обязанность. – Тогда в честь чего весь этот парад? – окончательно потеряв терпение, воскликнула Александра. – Уж наверняка не ради женщины!

Леонид смущенно потупился и, ковырнув носком немодного ботинка выскочившую паркетину, чуть слышно пробормотал:

– Именно из-за женщины. У меня сегодня свидание...

– Что?! – Обе сестры замерли в недоумении.

С ранней юности Ленечка Кашин стеснялся женщин и поэтому старался держаться от них подальше. Стоило какой-нибудь девушке обратить внимание на смышленного начитанного паренька, как он тут же становился пунцовым до самых корней волос, мычал что-то нечленораздельное и старался поскорее скрыться из виду. Годы шли, Леонид вырос, но робость по отношению к слабому полу не проходила, а напротив, становилась более глубокой. И тогда Кашин нашел лазейку. Он решил, что жизнь одиночки – это его собственный выбор, а общение с женщинами – лишь пустая трата времени и сил. Таким, как он, не нужна пара, узы брака будут только мешать ему и отдалять от поставленной цели. Многочисленные попытки Галины Петровны, а позже Александры и Серафимы Кондаревых познакомить Леонида с дочками подруг, соседок и коллег по работе потерпели фиаско. Однажды приняв решение, Ленечка, как обычно, был непреклонен. Он виновато улыбался, слезно просил прощения, но твердо стоял на своем. Наконец окружающие его женщины смирились и перестали постоянно сватать этого горе-жениха. И вот, спустя столько лет, такое неожиданное заявление...

– Надеюсь, ты шутишь? – Саша первая справилась с удивлением и, отставив в сторону горячий утюг, почти вплотную подошла к Леониду.

– Не-е, не шучу, – Кашин смешно затряс толстыми щеками и невольно попятился назад. – Сегодня вечером у меня свидание, ровно в семь...

– И ты говоришь нам об этом вот так, походя, как бы между прочим?! – продолжала наступать на растерянного соседа Александра. – А если бы твой утюг был в рабочем состоянии, то что? Мы бы вообще не узнали о предстоящем событии! Нет, Сим, ты только послушай, что говорит этот неблагодарный мальчишка?

Ища поддержки, она оглянулась на сестру. Однако более рассудительная Серафима заняла Ленину сторону.

– погоди, Сань, не кипятись. Ленечка наверняка хотел рассказать нам все, но только не сейчас, а уже после свидания. Верно, Лень?

Кашин утвердительно закивал.

– А почему не сейчас? – недоверчиво переспросила Саша. – Почему только после?

– Полагаю, он решил не волновать нас понапрасну. Первое свидание дело тонкое, непредсказуемое, а вдруг девушка не оправдает его надежд... Ведь так, Лень?

Леонид снова послушно кивнул.

– Ну и зря, – буркнула Саша. – Мы и так живем как в болоте, иной раз и поволноваться не грех.

Но объяснение сестры ее вполне удовлетворило. Сменив гнев на милость, Александра отступила от почти вжавшегося в стенку соседа и вернулась к позабытому утюгу.

Кашин облегченно вздохнул и, бросив благодарный взгляд в сторону своей спасительницы, стал потихоньку отползать к входной двери.

– Погоди, Ромео, – почти у порога окликнула его Саша. – Раз мы все равно узнали про свидание, расскажи хоть, кто она и где вы познакомились?

– Она... Она самая замечательная девушка на свете, – по лицу Леонида расплылась глупая улыбка. – И у нее очень красивое и редкое имя... Алиса...

– Алиса? – оторвалась от разглаживания манжет Александра. – Надо же, прямо как у последней русской императрицы.

– Именно, – мечтательно прошептал Кашин, – и она такая же умная, тонкая, образованная и очень, очень красивая...

– Умная и образованная – это бесспорно, на другую ты бы и не взглянул, – слегка озадаченно пробормотала Саша, – но красивая... Хотя, конечно, все это дело вкуса...

– Да нет, тетя Саш, она правда очень хороша собой! Честно говоря, даже странно, что такая красавица обратила внимание на меня, смешного, неуклюжего зануду...

– Прекрати, Ленечка, приbedняться, – строго одернула соседа Серафима, – в твоём возрасте пора бы знать, что порядочные женщины ценят в мужчинах не внешность, а ум и широкую душу, а здесь тебе нет равных!

– Спасибо, тетя Сим, – смущенно улыбнулся Кашин, – надеюсь, моя Алиса как раз такая.

– Любопытно, где же ты отыскал такую жемчужину? – тщательно отглаживая стрелки на брюках, поинтересовалась Саша. – Ты ж безвылазно сидишь в своем архиве.

– Вот как раз там мы и познакомились. Алиса готовит сюрприз к юбилею бабушки, пытается составить поколенную роспись своего рода, и, на мое счастье, поиски документов привели ее как раз в наш архив.

– Поколенная роспись – это что-то типа генеалогического древа? – с любопытством переспросила Саша.

– Ну да, где-то близко, это документ, в котором отражаются родственные связи по поколениям. Информация, заложенная в росписи, наиболее полная и базируется не только на устной легенде, но и на подлинных документах. Погодите, тетя Саш, – неожиданно спохватился Леонид, – а разве лет пять назад я не делал для вас такого документа?

– Нет, миленький, ты что-то путаешь. По крайней мере, я его никогда не видела. Неожиданно сидевшая в сторонке Серафима спохватилась:

– Санечка, ты только посмотри на часы, время-то уже половина шестого. Скоро начало спектакля.

– Точно! Вот заболтались-то! А тут работы еще минут на двадцать, не меньше. Как же быть, Сим?

– Все очень просто, – с готовностью поднялась с кресла Серафима, – ты бежишь собираться в театр, а я спокойно доглажу вещи. Не бросать же Ленечку в трудную минуту. – А как же спектакль? Скажи честно, ты не очень расстроишься?

– Ничего, переживу. Чай, не в последний раз, – пряча улыбку, проговорила старшая сестра. В отличие от Александры она была совершенно равнодушна к театру и перспектива провести тихий вечер наедине со своими любимыми куклами только обрадовала Симу.

В половине седьмого она наконец-то закрыла за нарядной, пахнущей французскими духами Сашей дверь и, тихо напевая себе под нос, снова принялась за так неожиданно прерванную работу.

Глава 2

Смертельная сила искусства

Наследство бывает разное. Кому-то достаются «роллс-ройс» и вилла на Лазурном Берегу, а кому-то неоплаченные долги и парочка беспородных кошек. Мне же Оле Погодиной, от бабушки по материнской линии Веры Николаевны Серегиной досталась богатая коллекция фарфоровых кукол и две ее закадычные подруги Серафима и Александра Кондаревы. Моя бабушка и Серафима дружили с самого детства, они ходили в одну школу, сидели за одной партой и были, что называется, не разлей вода. Именно в доме у Кондаревых маленькая Верочка увидела первую в своей жизни фарфоровую куклу, увидела и мгновенно влюбилась в эту хрупкую красавицу с улыбкой ангела и золотыми, рассыпанными по плечам кудрями. С тех пор она всю жизнь была благодарна Серафиме за то, что та открыла для нее удивительный и таинственный мир фарфоровых кукол. К шестидесяти годам у Веры Николаевны была одна из лучших коллекций в Москве, с которой могла конкурировать разве что коллекция Серафимы Кондаревой. В шестьдесят пять у бабушки, никогда раньше не жалующейся на сердце, случился первый инфаркт. Все обошлось, врачи заверили нас, что восстановление идет нормально и серьезных опасений нет. Но однажды Вера Николаевна позвала меня на серьезный разговор.

– Я должна поговорить с тобой, девочка, – начала она, поудобнее усаживаясь на диване и подкладывая под спину подушку. – Только пообещай, что выслушаешь меня до конца, не перебивая и не останавливая, договорились?

– Конечно, – все еще не понимая, к чему клонит бабуля, кивнула я.

– Жить мне осталось два-три месяца...

– Ну бабушка!

– погоди, ты же обещала не перебивать!

Возмущенно фыркнув, я неохотно замолчала.

– Поверь, как многие пожилые люди, я чувствую приближение смерти, – продолжала она, – но сейчас меня беспокоит совсем не это...

– Ожидала услышать что-то подобное! – снова не удержалась я от комментария.

– Тебе никогда не было дела до себя самой! Что же беспокоит мою неравнодушную бабулю на этот раз?

– Судьба Серафимы и мои куклы!

– Ну ты, ба, даешь! – От возмущения я даже вскочила с дивана и начала нервно расхаживать по комнате. – Нашла о чем думать! О фарфоровых безделушках! Да они всех нас переживут. И при чем тут тетя Сима? Поверь, я прекрасно отношусь к твоей лучшей подруге, нежно люблю Серафиму Сергеевну, с ней связано все мое детство, но она-то жива и, надеюсь, здорова! Давай-ка лучше серьезно займемся твоим здоровьем, найдем другого врача, сделаем пару дополнительных обследований, ляжем в клинику, в конце концов! И вот увидишь, все твои черные мысли как рукой снимет! – Закончив свою возмущенную тираду, я снова плюхнулась на диван и уставилась на сидящую с грустной улыбкой бабушку.

– Ты закончила? – тихо спросила она.

– Угу, – кивнула я, уже заранее чувствуя по бабушкиному тону, что ничего из моей затеи не выйдет.

– Тогда послушай, что я скажу тебе. Для меня куклы – не просто фарфоровые безделушки, это моя жизнь, мое прошлое, моя история, если хочешь. Поэтому мне не все равно, в чьи руки попадет с таким трудом и любовью собранная коллекция. Ты приглядишься к ним повнимательнее, – Вера Николаевна тяжело поднялась и приоткрыла зеркальную горку, где на полках были расставлены ее самые любимые куклы, это только с первого взгляда кажется, что

они неживые, а на самом деле куклы точно так же, как люди, нуждаются в заботе, нежности и ласке. Поэтому я не могу оставить их без присмотра. – Голос бабушки задрожал, но она быстро справилась с нахлынувшими эмоциями. – Ну так как, деточка, готова ли ты взять на себя заботу о моих любимцах?

– Не волнуйся, бабушка, конечно, готова, но пусть это будет очень, очень не скоро. – На все воля Божья, – покачала головой Вера Николаевна, – а теперь давай поговорим о Серафиме.

– Да что там говорить, – махнула я рукой, – неужели ты думаешь, что я когда-нибудь брошу тетю Симочку? Она же мне как родная!

– Ни минуты не сомневалась, что услышу от тебя именно этот ответ, улыбнулась бабушка. – Просто хочу, чтобы ты всегда помнила: кроме нас с тобой, у сестер Кондаревых никого нет, они одни-одинешеньки на всем белом свете. Помогай им, навещай почаще или хотя бы звони...

– Ба, прекрати говорить так, будто тебя уже нет рядом! – взмолилась я. – А то у меня в глазах щиплет и мурашки по спине бегают.

– Извини, Лелечка, совсем не хотела тебя расстроить. Просто Сима очень дорога мне, и я хочу позаботиться о ней заранее.

– Кстати, ба, давно хотела тебя спросить: насколько я помню, тетя Сима и тетя Саша все время живут одни. Они что, никогда даже не были замужем?

– Почему же не были? Были, конечно. Просто не повезло им с мужьями!

– Неужели они их бросили?

– Вернее будет сказать, променяли...

– На другую женщину?

– Нет, на историческую родину.

– Ты шутишь? Не понимаю, как это?

– Какие шутки, деточка! Тогда это была настоящая трагедия.

– Почему же ты никогда об этом не рассказывала?

– Да как-то к слову не приходилось или, может, не хотела ворошить прошлое. Симочка до сих пор не любит вспоминать эту историю.

– Ну бабушка, – взмолилась я, – расскажи...

– Хорошо, слушай! – Вера Николаевна помолчала немного, глядя куда-то в окно, будто пытаюсь восстановить в памяти события далекого прошлого, а потом неторопливо заговорила: Случилось это осенью 1958 года. Нам с Симой было по двадцать два года, Александре только-только исполнилось восемнадцать. У нас на носу последний учебный год и защита диплома, а Саша студентка первого курса Государственного музыкального училища имени Гнесиных. Музыка, мальчики и развлечения – вот что интересовало ее больше всего. Именно Александра познакомила нас с братьями Бергманами. Старший, Михаил, учился на четвертом курсе композиторского отделения и уже тогда серьезно увлекался джазом, младший, Давид, скрипач, юное дарование и ровесник Саши. И как-то само собой получилось, что симпатии сразу разделились. Нам с Симой понравился серьезный, целеустремленный Миша, а Санечка без памяти влюбилась во взбалмошного и непредсказуемого Давида. Первое время мы гуляли все вместе, впятером ходили в кино, в консерваторию и даже на танцы. Как же неловко было нашим кавалерам, ведь одной из дам постоянно приходилось подпирать стенку. Но однажды во время медленного фокстрота я заметила, каким влюбленным взглядом смотрит Михаил на Серафиму. С этого вечера под разными благовидными предлогами я отказывалась составлять компанию своим подругам, потому что, как ни прискорбно было признать, именно я оказалась третьей лишней.

– Неужели ты даже не попыталась завоевать расположение Михаила? – удивилась я. – Он ведь тебе тоже нравился, а в любви как на войне...

– Что ты, деточка! – Бабушка уставилась на меня с неподдельным изумлением. – Разве я могла помешать счастью своей лучшей подруги? Михаил и Симочка стали чудесной парой, и никого совершенно не удивило, когда через полгода они объявили, что подали заявление в загс.

Глядя на старшего брата, Давид недолго думая сделал предложение руки и сердца Александре, и та с радостью согласилась. Вот так жарким июлем 1959 года семейство Кондаревых отпраздновало сразу две свадьбы. По правде сказать, родители девочек были не в восторге от будущих родственников и не слишком верили в прочность столь скоротечных союзов, но ради счастья дочерей решили не вмешиваться.

– Ну а дальше-то что? – поторопила я неожиданно замолчавшую бабушку. – Чем закончилась вся эта история?

– Чем закончилась... Да ничем хорошим. В начале шестидесятых, видимо, предчувствуя скорый конец «оттепели», Бергманы засобирались в Израиль. Ехать решили всей большой семьей, но тут вышла неожиданная заминка. Ни Саша, ни тем более Серафима покидать родину не хотели. Девочки были сильно привязаны к матери, боялись, как отразится их отъезд на карьере отца-генерала, и совершенно не представляли себе жизни в чужой стране. Помню, как рыдала у меня на груди Серафима, разрываясь между любовью к мужу и привязанностью к семье. Однако семья победила. Братья Бергманы оформили развод и уехали на историческую родину холостяками, а девочки так больше никогда и не вышли замуж.

– Надо же, какая грустная история. Бабуль, мне искренне жаль, что у тети Симы так неудачно сложилась личная жизнь...

– Да... Вот такое яркое, но короткое счастье, а потом долгие годы одиночества. Ни мужа, ни детей, ни внуков... Но Симочка все равно не озлобилась, не превратилась в вечно брюзжащую старуху, а осталась таким же светлым и добрым человечком. Я умоляю тебя, Лелечка, не оставляй ее одну, ведь она любит тебя, как родную внучку. – Голос Веры Николаевны снова задрожал, и она торопливо отвернулась к окну.

– Бабуль, ну ты что? – я подвинулась ближе и обняла бабушку за худенькие плечи. – Я же пообещала, что никогда не оставлю тетю Симу, а у тебя нет оснований не верить моему слову.

– Спасибо, девочка, я знала, что могу положиться на тебя...

Спустя месяц после этого разговора у Веры Николаевны случился повторный инфаркт, «скорая» приехала слишком поздно, и, несмотря на все старания врачей, спасти ее так и не удалось... Через сорок дней после смерти бабушки ее обширная коллекция фарфоровых кукол перекочевала из однокомнатной квартиры на Чистых прудах в мою гостиную, а я взялась с усердием выполнять данное слово.

С тех пор прошло восемь лет, за это время Серафима и Александра Кондаревы стали мне по-настоящему близкими и родными людьми. Раз в неделю я непременно забегала в уютную квартирку в Потаповском переулке, чтобы занести продукты, попить чайку или просто поболтать со своими старушками, причем делала я это не из чувства долга и даже не ради светлой памяти моей любимой бабули, просто здесь мне было тепло и комфортно. Я могла часами говорить с Серафимой Сергеевной о куклах, которые к тому времени неизбежно стали и моим увлечением, или, свернувшись калачиком на старинном, с потертой гобеленовой обивкой диване, слушать, как играет Моцарта Александра Сергеевна. Надо отдать должное моим близким, они тоже привязались к старушкам. Максим безропотно таскал им по осени мешки с картошкой, а весной вывозил на дачу. Егор и Вероника искренне считали их своими бабушками и регулярно звонили, чтобы поздравить с праздником, справиться о здоровье или сообщить свои нехитрые новости. Вот так, не без помощи моей сердобольной бабули, наша и так не слишком малочисленная семья увеличилась еще на двух человек. Поэтому я совершенно не удивилась, когда во вторник вечером, около одиннадцати, услышала в телефонной трубке голос одной из моих старушек.

– Лелечка, прости, что так поздно, – слегка запинаясь, проговорила Серафима Сергеевна, – надеюсь, ты еще не спишь?

– Что вы, тетя Сим, я раньше часу ночи никогда не ложусь. – Неожиданно на том конце провода послышались сдавленные всхлипывания. – Серафима Сергеевна! Насторожилась я. – У вас что-то случилось, давление, сердце прихватило? – Саша, Сашенька... – только и смогла пробормотать она в ответ. – Александре Сергеевне плохо? – догадалась я. – Срочно вызывайте «скорую», я буду у вас минут через двадцать...

– Поздно, Лелечка, Саша умерла... – Послышался глухой стук, и в трубке раздались частые гудки.

Первым моим порывом было бежать в чем есть к входной двери и срочно ехать в Потаповский, но, бросив случайный взгляд в зеркало, я поняла, что необходимо переодеться, шуба, наброшенная прямо на легкий домашний пеньюар, будет выглядеть по меньшей мере неуместно. Пока я второпях натягивала джинсы и водолазку, в мою голову пришла еще одна здравая мысль – зачем ехать в центр на метро, если можно разбудить мужа? Время сейчас позднее, машин на дорогах мало.

Максим мирно дремал перед телевизором, но, стоило мне только войти в комнату, он тут же приоткрыл глаза.

– Солнышко, я не сплю, – как обычно, принялся оправдываться муж, – фильм такой интересный, невозможно оторваться.

– Срочно одевайся, – я бросила на диван рубашку и брюки, – едем в Потаповский, тетя Саша умерла.

– Как умерла? – Макс мгновенно вскочил с дивана и принялся суетливо одеваться. – От чего, Лель? Я ведь буквально на прошлой неделе возил их обоих на диспансеризацию. Тетя Сима охала, жаловалась на ноги и давление, зато Александра Сергеевна была огурцом...

– Ничего пока не знаю, – уже застегивая сапоги и набрасывая шубу, пробормотала я, – но скорее всего сейчас наша помощь нужнее Серафиме...

С момента разговора прошло от силы минут пятнадцать, а мы уже мчались по пустым московским улицам в сторону Потаповского переулка.

Серафима стояла у окна и пристально вглядывалась в темную декабрьскую мглу. Но освещенная тусклым фонарем дорожка, ведущая к их подъезду, по-прежнему была пуста. «Ну где же Санечка? с тревогой думала Сима. – Спектакль закончился полтора часа назад, от „Современника“ до дома двадцать минут медленным шагом. Ну ладно, плюс десять минут на поклонны и аплодисменты, еще десять на очередь в гардероб, и все равно ей давно уже пора быть дома». Сима снова взяла телефон и вот уже в который раз набрала номер сестры. «Телефон абонента выключен или временно недоступен», – донеслось из трубки. «Это-то как раз понятно, успокаивала себя Серафима, – небось выключила мобильник перед спектаклем, а включить, естественно, забыла. Где уж ей помнить такие мелочи! Ладно, подожду еще полчаса и пойду навстречу этой растяпе. Наверняка ведь встретила в театре кого-нибудь из знакомых и теперь стоит болтает в свое удовольствие... А я тут нервничай, переживай...»

Сима включила телевизор. По второму каналу показывали неплохой сериал про врачей, но ей никак не удавалось сосредоточиться на фильме, тревожные мысли о сестре не выходили из головы. Неожиданно ее мобильный, лежащий прямо под рукой, запел и завибрировал одновременно. Схватив телефон, Серафима облегченно вздохнула: «Ну слава богу, объявилась моя пропащая. Сейчас, конечно, будет оправдываться и врать напрапалую, что спектакль задержали, телефон не работал, а в гардеробе была огромная очередь».

– Слушаю, – как можно более сухо бросила она.

Но вместо Шашиного веселого щебетания в трубке раздался совершенно незнакомый мужской голос:

– Кондарева Серафима Сергеевна?

– Она самая, – растерянно пробормотала Сима, – а вы, извините, кто и почему...

Но мужчина не дал ей договорить.

– Старший следователь Дубровин, – представился он, – кем вам приходится Кондарева Александра Сергеевна?

– Сестрой, – уже предчувствуя неладное, прошептала Сима, – а что с Сашенькой, почему вы...

Но следователь снова не дал договорить.

– С Александрой Сергеевной случилось несчастье.

– Что с ней? – отчаянно закричала Серафима. – Где она? Диктуйте мне адрес, я сейчас же приеду!

– Сейчас приезжать не нужно, – сухо проговорил Дубровин, – ваша сестра умерла.

– Умерла... – словно эхо повторила Сима. – Сашенька умерла?

– Да, – чуть мягче подтвердил следователь, – прямо в театре, во время спектакля...

– Да нет, это какая-то ошибка, – после небольшой паузы взволнованно заговорила Серафима, – этого просто не может быть! У нее в голове никак не укладывалось, что ее Сашенька, веселая сумасбродка и вечная командирша, никогда больше не вернется домой, не сядет за рояль, не начнет отчитывать ее за беспорядок в комнате и за вечно работающее радио. – Сашенька была совершенно здорова, еще сегодня утром она ни на что не жаловалась и выглядела просто прекрасно. И вообще, сестра на целых четыре года младше меня, ей рано умирать! Умоляю, проверьте все хорошенько, ведь бывают же ошибки?

– Серафима Сергеевна, я понимаю ваши чувства, – вздохнул Дубровин, – однако жизнь есть жизнь, и не нам решать, кому жить, а кому уходить первым. Врачи разберутся, от чего умерла Александра Сергеевна, а вас я прошу завтра, к девяти часам утра, приехать на опознание в морг двадцать четвертой больницы, это на Страстном бульваре, дом номер пятнадцать, найдете?

– Найду, – с трудом выдавила Серафима и повесила трубку.

Сердце бешено колотилось, глаза застилали слезы, дрожащими руками она набрала номер Лели Погодиной, последнего близкого человека, оставшегося у нее. Потратив на короткий разговор все силы, Серафима в изнеможении откинулась на спинку дивана. «Нет больше моей Сашеньки... И мамы нет, и отца, я осталась одна-одинешенька на всем белом свете. А значит совсем скоро придет конец знаменитому роду купцов Кондаревых. Хорошо, что меня сейчас не видит бабушка Пелагея, не такое будущее пророчила она своим потомкам». Неожиданно Серафима почувствовала острую боль в груди, после бешеного ритма сердце словно замерло и начало биться через раз, закружилась голова, навалилась смертельная усталость... «Я не могу умереть прямо сейчас, – убеждала она себя, просто не имею права. Семейная тайна Кондаревых не должна кануть в небытие. Я передам свое знание Леле, пусть неродной по крови, зато близкой по духу... Ну где же сердечные капли? – Правой рукой держась за сердце, левой Серафима шарила по кофейному столику, куда обычно ставила лекарства. Каждое движение давалось ей с огромным трудом. Нет, ничего нет, значит, Саша убрала их на кухню в дальний шкафчик у окна. Нужно успеть добраться до кухни, пока боль не стала нестерпимой...» – только и успела подумать Серафима, прежде чем на нее навалилась густая темнота...

Глава 3

Начало

Купец первой гильдии Петр Никанорович Кондарев был личностью в Москве известной. Владелец винокуренного завода, прядильной фабрики, нескольких крупных магазинов, один из которых находился в Санкт-Петербурге, он также занимался торговлей льном и пушниной. Но основное богатство принес ему Кусинский сталелитейный завод, приобретенный им в 1865 году у купца первой гильдии Иллариона Андреевича Лугинина. Будучи по природе человеком деятельным и энергичным, Петр Никанорович тут же взялся за реорганизацию дела. За несколько лет он во много раз увеличил выделку металла, ввел разнообразные технические усовершенствования. С 1869 года на Кусинском заводе отливаются ядра и снаряды для царской армии, льются колокола для московских и Санкт-Петербургских церквей, а также налажено производство печного, архитектурного и художественного литья. В этом же 1869 году в личной жизни Петра Никаноровича Кондарева происходит важное событие: в конце апреля, накануне Пасхи, его жена Мария Никитична успешно разрешилась от бремени, подарив мужу долгожданного наследника. В семье Кондаревых уже было пятеро дочерей, но Петр Никанорович страстно мечтал о сыне. «Теперь и умереть не страшно, – твердил он жене, любуясь на орущего в люльке младенца, – ты только посмотри, богатырь-то какой, без малого четыре кило, настоящий Кондарев. Будет теперь на кого дело оставить! А значит, не канет в небытие род купцов Кондаревых».

Мальчика назвали Павлом, рос он шустрим, смышленным и развитым не по годам. В пять лет Павел уже бегло читал и считал до сотни. Петр лично занимался сыном и не раз с нескрываемой гордостью говорил жене: «Вот увидишь, Марусенька, этот чертенок далеко пойдет и меня еще переплюнет. Есть в нем купеческая жилка и хватка есть, а какой характер! Такому капиталы оставить не страшно, точно не промотает, еще и преумножит на многие тысячи». Мария Никитична только улыбалась да молча кивала в ответ, в душе считая эти разговоры результатом слепой отцовской любви и сильным преувеличением. «Ну какой может быть характер у пятилетнего мальчика, думала она, наблюдая за расшалившимся Павлом, – какая там купеческая хватка, так, проказы одни да шалости».

Однако Петр Никанорович оказался, как всегда, прав. Вторую Московскую гимназию Павлуша окончил с золотой медалью и без проблем поступил в Императорскую практическую академию коммерческих наук, откуда выпустился с похвальным листом и жадой деятельности. Старший Кондарев полностью доверяет сыну и поддерживает его самые рискованные начинания. В 1892 году им учрежден торговый дом «Петр Кондарев и сын». Павел вкладывает семейные деньги в развитие транспорта и промышленности, с позволения отца он покупает канатно-прядильную фабрику и организывает там новое производство шпагата. Очень быстро фабрика становится доходной, так как качество выпускаемой там тонкой бечевы по ровности пряжи и чистоте плетения ничуть не уступает бечеве заграничной. Наладив прядильное дело, Павел берется за грузовые перевозки и организывает компанию по транспортировке грузов водным путем. Справившись и с этим, Кондарев-младший уезжает на полгода на Урал. Там он занимается оптовыми операциями по торговле уральским железом и досконально изучает на практике сталелитейное дело. Отец оказался на редкость прозорлив: достаточно за короткий срок сын сумел значительно расширить и преумножить семейные предприятия. Все, за что берется Павел, приносит большие деньги, оборот торгового дома «Петр Кондарев и сын» неизменно растет и к 1900 году составляет уже более двух миллионов рублей.

Как все купцы того времени, Кондаревы считали себя обязанными часть заработанных денег возвращать обществу, поэтому вели активную благотворительную деятельность. На их

пожертвования в Москве были построены три богадельни, детский приют и несколько бесплатных столовых. Дважды в год, на Рождество и на Пасху, Кондаревы устраивали у себя благотворительные балы, все средства от которых перечисляли в фонд Первой градской больницы. Именно на одном из таких балов Павел впервые увидел Пелагею Лямина.

Часы в гостиной пробили двенадцать. В преддверии предстоящего праздника все домочадцы улеглись спать пораньше, и, если не считать завывания январской вьюги да скрипа старых половиц, дом купца Лямина погрузился в сонную, густую тишину. И только в одной из комнат на втором этаже горел ночник, младшей дочери Филиппа Григорьевича Пелагее не спалось. Скрестив ноги по-турецки и закутавшись в пушистую мамину шаль, она сидела на массивной резной кровати под старинным балдахином и грезилась наяву. «Неужели я наконец-то дождалась! – с волнением шептала девушка. – Мне исполнилось шестнадцать, и завтра состоится первый в моей жизни настоящий бал! Нет, я просто не могу в это поверить! – Пелагея прижала руки к груди, сердце бешено колотилось, словно готово было выскочить наружу. – Я чувствую, я знаю, это будет особенный день, день, который изменит всю мою жизнь!» Она сладко зевнула и потянулась к ночнику – спать, срочно спать! Ведь так гораздо быстрее наступит завтра! Но сон еще долго не шел к девушке, крутясь с боку на бок она представляла, как входит в огромный, заполненный незнакомыми людьми зал. На ней алое парчовое платье, украшенное страусиными перьями, на шее переливаются мамины рубины, а голову венчает брильянтовая диадема. «Кто это? – перешептываются все вокруг. – Почему мы раньше не видели эту красавицу?» А она все идет вперед, высоко подняв голову и не обращая внимания на любопытные взгляды. Неожиданно толпа расступается, и в дальнем конце зала Пелагея видит его... Вот так мечтая, девушка не заметила, как заснула и крепко проспала всю ночь. Разбудил ее только громкий стук в дверь.

– Полюшка, ты проснулась? – В комнату заглянула мама. – Вставай скорее, лежебока, вот-вот придет парикмахер, а тебе еще платье надо примерить...

Платье, выбранное родителями для первого выхода их дочери в свет, совершенно не нравилось Пелагее. Нежно-голубого цвета, предельно скромное, украшенное лишь оборками из тончайших французских кружев, оно казалось ей простым и слишком детским. Ни тебе алой парчи, ни страусиных перьев. Что касается маминых рубинов и брильянтовой диадемы, они тоже остались в мечтах, из украшений ей было позволено надеть лишь нитку жемчуга, да точно такой же жемчуг был вплетен в темные, густые волосы, уложенные на французский манер. Завивка волос, примерка платья, потом легкий обед и снова примерка. Такая суеда, обычная для дня перед балом, продолжалась до самого вечера. К шести часам все многочисленное семейство купца Лямина собралось в зале на первом этаже, не было только Пелагеи.

– Из-за этой копуши мы пропустим все самое интересное, – крутясь перед зеркалом, заметила средняя дочь Катерина, – и вообще, семеро одного не ждут, поехали, папа!

– Не будь такой злой, Катюша, лучше вспомни себя во время первого бала!

– Вот именно, – поддакнула отцу Ксения, старшая из дочерей, – корсет тебе тянул, туфли жали, прическа разваливалась, а в завершение всего ты просто разрыдалась от страха!

Катерина обиженно поджала губы.

– А ты будто не волновалась перед первым выходом в свет!

– Еще как волновалась, вот только я-то не рыдала и не ругалась с парикмахером и модисткой, как ты.

– Прекратите, девочки, – Филипп Григорьевич строго посмотрел на спорящих дочерей, – иначе...

Но договорить он не успел, на верхней ступеньке лестницы показалась Пелагея, и все головы моментально повернулись в ее сторону.

– Вот это да... – удивленно выдохнул Василий, старший сын Лямина, – Польша-то наша настоящая барышня...

Филипп Григорьевич всегда знал, что его младшая дочь уродилась красавицей. Высокая, статная, она пошла в мать белизной кожи и тонкостью костей, зато от отца взяла густые, слегка выющиеся каштановые волосы и темные, словно нарисованные кистью брови. Простое, но изысканное платье ладно облегалo стройную девичью фигуру, выгодно подчеркивая все ее достоинства – круглые бедра, высокую грудь и тонкую талию... Пелагее не нужны были украшения и дорогие шелка, она сама была настоящим брильянтом.

«Да... такая в девках не засидится, – с долей сожаления подумал Лямин, – небось уже завтра от женихов отбоя не будет».

Бал был в самом разгаре, гремела музыка, по залу кружились нарядные пары. Вальс, полька, полонез, мазурка и снова вальс. Успех Пелагеи Ляминой превзошел все ожидания. Чтобы потанцевать с ней, кавалеры выстраивались в очередь. Утомившись от непрерывного кружения и светских разговоров, Поля улучила минутку между танцами и, выбрав укромное местечко в нише за колонной, остановилась перевести дух.

– Прячетесь от назойливых кавалеров? – раздалось у нее прямо над ухом.

Пелагея вздрогнула и оглянулась. В глубине ниши стоял молодой мужчина и с интересом разглядывал ее.

– Вы меня напугали! – огрызнулась Поля. – Надо было предупредить, что место занято.

– Зачем же! – пожал плечами незнакомец и даже слегка посторонился, чтобы девушка смогла полностью скрыться от посторонних глаз, при этом он чуть не наступил на подол ее бального платья. – Буду только рад такому приятному соседству. Не волнуйтесь, я вас не выдам. Я ведь здесь тоже прячусь.

– Прячетесь? – не смогла скрыть своего удивления Поля. – А вы от кого?

– Стыдно признаться, – смущаясь, пробормотал сосед, – от собственного отца! Он, видите ли, вбил себе в голову, что мне пора жениться, вот и водит невест одну за одной на смотрины.

– Ну а вы что? Выбрали кого-нибудь? – глаза Пелагеи хитро блеснули, и она с любопытством уставилась на высокого крупного незнакомца, с трудом помещающегося в узкой нише.

Его лицо с тяжелым волевым подбородком, широким открытым лбом и светлыми смеющимися глазами нельзя было назвать красивым, однако оно обладало тем самым обаянием, которое порой производит более сильное впечатление, чем совершенная красота. Пелагея вдруг поймала себя на мысли, что ей совершенно не хочется возвращаться в шумный, полный незнакомых людей зал, а хочется остаться здесь, в маленькой тесной нише, и до конца вечера болтать со смешным, неуклюжим незнакомцем.

– Какой там выбрал! Я даже имен этих невест не запомнил. По мне, они все на одно лицо. Да и мыслимое ли это дело, искать жену на танцульках? – Кстати, разрешите представиться. Павел Петрович Кондарев. А с кем я имею честь?

– Пелагея Лямина, – произнося свое имя, девушка почувствовала, как запылали ее щеки – Родные зовут меня Полей...

Глава 4

Прощание

Ключи от квартиры в Потаповском я подготовила заранее, еще в машине, но от волнения никак не могла попасть в замочную скважину.

– Дай открою, – Макс оттеснил меня от двери и, в два счета справившись с замком, первым вошел в прихожую.

В квартире стояла непривычная тишина, молчало даже вечно бубнящее Серафимино радио.

– Ты на кухню и в ванную, – на ходу сбрасывая сапоги, скомандовала я, – комнаты проверю сама. Только умоляю, Макс, разуйся, старушки ненавидят грязь, – по привычке бросила я и тут же осеклась... Ведь теперь у меня осталась только одна старушка. Серафиму Сергеевну я нашла в гостиной, просторной светлой комнате, когда-то служившей их деду Павлу Петровичу Кондареву кабинетом. Она полулежала на диване в неловкой позе, прислонившись правым боком к спинке и неестественно запрокинув голову. Однако дыхание было ровным, со стороны казалось, что она просто спит. Рядом на ковре валялись очки, газета и пульт от телевизора. Скорее всего, тетя Сима что-то искала на кофейном столике и поэтому скинула на пол все, до чего дотянулась.

– Серафима Сергеевна, – тихо позвала я, опускаясь рядом на диван и беря ее руку в свою. Рука оказалась холодной как лед.

– Ну как она? В дверях показался Макс.

– Не знаю, но похоже на глубокий обморок. Я звоню в «скорую», а ты принеси из кухни стакан воды да пошарь там в шкафчике у окна, где-то должен быть нашатырь.

Муж тут же умчался выполнять указание, а я аккуратно взяла Серафиму Сергеевну за плечи и постаралась устроить поудобнее. Еще из институтского курса первой медицинской помощи я помнила, что человека в обморочном состоянии необходимо положить на спину на ровную поверхность и расстегнуть ворот. Тетя Сима очнулась, когда я расстегивала верхнюю пуговицу на ее блузке.

– Лелечка, – слабым голосом прошептала она, – неужели весь этот кошмар правда и мне это не приснилось?

Следующие несколько дней я ни на шаг не отходила от Серафимы Сергеевны. Вместе мы ездили в морг на опознание, вместе выбирали место на кладбище, заказывали венки и покупали продукты для поминок. Она держалась молодцом, почти не плакала, была сосредоточена и собрана и сорвалась только один-единственный раз, когда разговаривала с врачом, делавшим вскрытие Александры.

– Я не понимаю, к чему эта напрасная трата времени, – заявил молоденький хмурый патологоанатом, вышедший к нам только после долгих уговоров и угроз связаться с его начальством, – случай-то яйца выеденного не стоит! У вашей сестры было слабое сердце, а как следствие обширный инфаркт и мгновенная смерть... Да что вы хотите в семьдесят-то лет! – Он снисходительно хмыкнул и окинул нас с ног до головы пренебрежительным взглядом.

– Ей только что исполнилось шестьдесят девять, – будто не замечая неприкрытого хамства, вполне миролюбиво поправила врача Серафима, – и она никогда... понимаете, никогда не жаловалась на сердце!

– Подумаешь! Все когда-нибудь случается в первый раз, просто для вашей сестры этот раз оказался роковым, – равнодушным тоном бросил патологоанатом и, резко повернувшись на каблуках, спешно зашагал прочь по коридору.

– Погодите! – кинулась ему вслед Серафима. – Я хочу спросить...

– Ну что еще? – скорчив недовольную физиономию, обернулся врач. – У меня нет времени на пустые разговоры.

– Только один вопрос! А вы все хорошенько проверили? Это точно была естественная смерть?

– Бабуль, ты чего, сериалов насмотрелась? – Парень впервые за весь разговор взглянул на нас с любопытством. – Кому нужен этот божий одуванчик? Разве что она подпольная миллионерша или внучка Рокфеллера!

– А вот это не тебе решать, – неожиданно зло проговорила Серафима, – ты свою работу как следует сделай, а потом над людьми насмехайся!

– Да чего я-то, я все как положено сделал, – растерянно пробормотал парень, явно не ожидающий от пожилой интеллигентной женщины такого отпора.

– Как положено?! – Серафима дернула молнию на сумке и вытащила сложенный вдвое официальный бланк заключения о смерти. – Да это чистая липа! Филькина грамота. Размахивая смятым листочком перед носом слегка ошалевшего патологоанатома, она стала теснить его к стене. – У моей сестры было совершенно здоровое сердце, об этом четко написано в ее медицинской карте. Думаю, вы вообще не проводили вскрытия! А зачем? Пожилая женщина, все и так понятно! От волнения по лицу Серафимы Сергеевны пошли красные пятна, а вены на лбу сильно вздулись.

– Тетя Симочка, миленькая, успокойтесь, – взмолилась я, – да плюньте вы на этого нахала, пожалейте хотя бы свое здоровье!

Но Серафима Сергеевна не обратила на мои слова ни малейшего внимания, а возможно, в пылу праведного гнева она даже не услышала их.

– Так вот, молодой человек, – продолжала она, – не надейтесь, этот обман не сойдет вам с рук! Я дойду до вашего начальства! А если понадобится, то и до министра здравоохранения!

– Да вам лечиться надо, бабуля! – наконец-то пришел в себя прижатый к стенке патологоанатом. – Уберите от меня ваши бумажки и дайте пройти, оттолкнув плечом преграждающую ему путь женщину, он почти бегом направился к спасительной двери служебного помещения.

Серафима даже не попыталась догнать врача, она обессиленно привалилась к стене, прикрыла глаза и прошептала:

– Извини, Лелечка, видимо, нервы сдали, вот и не сдержалась.

– Извиняться надо не вам, а этому молодому нахалу! – кипя от возмущения, заявила я. – Вы потеряли близкого человека и вправе знать все о причине его смерти.

– Так-то оно так... – пробормотала Серафима, – но боюсь, что теперь нам никогда не удастся узнать правду...

– Тетя Симочка, я прекрасно понимаю ваши чувства, – аккуратно подбирая слова, проговорила я, – но, возможно, этот невоспитанный доктор был не так уж далек от истины, и Александра Сергеевна действительно умерла от сердечного приступа. Поверьте, такое часто случается, ну вспомните хотя бы мою бабушку...

Серафима Сергеевна молчала, глубоко задумавшись.

– Ведь все вокруг любили тетю Сашу, – должала я, у нее не было врагов, не было завистников! Ну рассудите здраво, кому могла понадобиться ее смерть?

Серафима Сергеевна как-то странно посмотрела на меня, а потом тихо, почти шепотом произнесла:

– Думаю, пришло время все рассказать тебе...

– Рассказать что? – непонимающе переспросила я.

– Разговор у нас, Лелечка, будет долгий и очень серьезный, – многозначительно посмотрела на меня Серафима Сергеевна, – вот только сейчас ему не место и не время.

– Хорошо, тетя Сима, как скажете, – с облегчением согласилась я, не особо надеясь услышать от убитой горем старушки что-то важное.

Весной 1903 года на Красную горку Павел Кондарев и Пелагея Лямина поженились. Для всего московского купечества эта свадьба стала настоящим событием, ведь она породила два богатейших купеческих рода. Гуляли широко, с размахом, вино лилось рекой, столы ломились от яств. Пелагея и Павел сидели во главе огромного, человек на сто, стола и не сводили друг с друга влюбленных глаз, все происходящее казалось им настоящей сказкой. Но, как обычно, среди гостей нашлись «доброжелатели», которые шептались, будто союз этот заключен по расчету и скорее напоминает очередную выгодную сделку. Сплетни эти порождали зависть к чужому богатству и извечная человеческая жадность.

– Устала, Полюшка? – Павел обнял молодую жену и привлек к себе. Наконец-то после венчания и долгого шумного застолья они остались одни.

– Что ты, милый, – Пелагея прижалась лбом к щеке мужа и закрыла глаза, – сегодня был самый счастливый день в моей жизни! Неужели теперь мы навсегда вместе?

– Конечно, любимая, – Павел нежно провел рукой по щеке девушки, убирая выбившуюся из прически прядку, а потом наклонился к самому уху и прошептал: – Отныне и навсегда... пока смерть не разлучит нас...

Несмотря на досужие сплетни и пересуды завистников, брак Павла и Пелагеи оказался на редкость удачным. Веселая, легкая в общении Полюшка быстро стала своей в дружной семье Кондаревых. Первая помощница для свекрови, подружка старшим сестрам, спустя год Кондаревы уже не представляли, как обходились без шустрой, бойкой Полюшки. А Павел не устал благодарить Бога, который послал ему не только молодую красавицу-жену, но и верного друга, надежного советчика. Обладая практическим складом ума, Пелагея никогда не стояла в стороне от дел мужа, нехватку образования она с лихвой возмещала природной смекалкой и женским чутьем. Павел был только рад этому, он очень быстро разобрался, что его Полюшка – не обычная купеческая жена, довольствующаяся лишь заботой о детях и домашним хозяйством.

«Без ее советов я не нажил бы и половины», – часто шутил Кондарев. После смерти Петра Никаноровича Павел как единственный наследник полностью взял дело в свои руки. И без того прибыльные предприятия под руководством молодого, предприимчивого, стремящегося к прогрессу Павла растут как на дрожжах. Он открывает несколько магазинов в Москве и в Санкт-Петербурге, покупает два новых сталелитейных завода на Урале и расширяет производство художественного литья. Вскоре заводы Кондарева снабжают церковной утварью большинство храмов первопрестольной столицы. Помимо этого Павел ставит на широкую ногу литье оград, каминных решеток, барельефов и предметов интерьера. Доходы торгового дома «Петр Кондарев и сын» неизменно растут, и вскоре супруги задумываются о строительстве своего собственного дома. Они долго и придирчиво выбирают место и наконец останавливаются на земельном участке в Большом Успенском переулке. Пелагея, с первого дня замужества мечтающая о большом, красивом доме, где она будет единственной и полноправной хозяйкой, берет на себя основные хлопоты, связанные со строительством. Она заказывает проект молодому, но модному в купеческих кругах архитектору Зыкову, долго ищет подходящего подрядчика, а потом самолично следит за ходом строительных работ.

И вот наконец дом Кондаревых готов. У дома, как и положено, два входа. Парадный – с высокими ступенями, кованым козырьком и шестью колоннами, и черный для прислуги. Широкая мраморная лестница, ведущая до самого четвертого этажа, украшена ажурными резными перилами. Шестиметровые потолки и огромные окна создают ощущение воздушности. Почти в каждой комнате изразцовая печь с латунными задвижками, которая топится из котельной в подвале. Павел очень доволен результатом и решает внести свою лепту в украшение фамильного жилища. На Кусинском сталелитейном заводе он заказывает серию барельефов на тему охоты и намертво вмуровывает их в стены по всему дому. Фасад здания Павел украшает массивным гербом рода Кондаревых, на котором изображена кабанья голова. Точно такие же гербы, только меньших размеров, он помещает у себя в кабинете и в комнате отдыха. На сла-

бые протесты Пелагеи, предпочитающей для украшения стен картины и зеркала, Павел лишь с улыбкой отвечает: «Не забывай, женушка, именно литье позволило построить нам такой большой и красивый дом. Надеюсь, со временем здесь будут жить наши дети, а после внуки и правнуки. Я хочу, чтобы они всегда помнили об этом и свято чтили семейные традиции...»

Похороны Александры Сергеевны прошли тихо, по-семейному. Морозным декабрьским днем на Преображенском кладбище кроме Серафимы, соседа Лени да парочки старинных подруг-театралок присутствовали только мы с Варварой. По правде сказать, без Варькиной помощи мне пришлось бы туго. Последние три дня, забросив все дела, она работала моим личным водителем, мотаясь со мной по магазинам и ритуальным конторам, а вчера до поздней ночи резала салаты и запекала мясо на маленькой кухоньке в Потаповском. Серафима наотрез отказалась устраивать поминки в ресторане, и мы накрыли стол дома, в самой большой комнате, служившей сестрам одновременно гостиной и библиотекой. Готовились мы не зря, помянуть Александру Сергеевну пришли почти все соседи, с которыми она прожила бок о бок всю свою жизнь, а также престарелые подружки, чье слабое здоровье не позволило им поехать на кладбище. Народу собралось так много, что мы с Варькой даже не уместились за столом.

– Это даже к лучшему, – шепнула мне Варвара, нарезая хлеб и доставая из шкафчика недостающие тарелки и вилки, – ненавижу подобные мероприятия. Хорошо, если половина собравшихся действительно скорбят по Александре Сергеевне, а остальные пришли просто так, поболтать да задарма выпить.

– Зря ты так! – возмутилась я. – Люди бросили все свои дела, пришли почтить память тети Саши... И вообще, Варь, не стоит видеть кругом только плохое!

– Идеалистка ты моя неисправимая! – хмыкнула Варвара. – Погоди немного, скоро сама во всем убедишься. Еще пара-тройка рюмок за упокой души усопшей, и все забудут, по какому поводу они тут собрались, а поминки превратятся в обычное застолье с шуточками и привычными разговорами.

– Нет, Варь, это совсем не тот случай. Вместо того чтобы возводить на людей напраслину, ты лучше взгляни вот сюда.

Небольшая кухонька в квартире Кондаревых находилась как раз напротив гостиной. Я осторожно приоткрыла дверь и поманила к себе подругу.

– Смотри, справа от Серафимы сидят два божьих одуванчика со смешными седыми буклями, в старомодных темно-синих костюмах. Это подружки Александры Сергеевны по музыкальной школе, вместе они всю жизнь учили детей музыке и умудрялись со своей копеечной зарплаты еще и подкармливать одаренных учеников из бедных семей. Дальше – билетерша из «Современника», с тетей Сашей они познакомились лет сто назад, когда она совсем девчонкой ночевала у дверей кассы, чтобы купить заветный билетик. Напротив Дочка и внучка Сашиной школьной подруги, правда, самой подруги лет пять как уже нет в живых. Дальше любимый сосед Ленечка, милый, добрый бесребреник, посвятивший всего себя науке. Я взглянула на притихшую подругу, которая внимательно рассматривала сидящих за столом гостей. – Ну что, продолжать дальше? Или ты наконец поверила, что здесь собрались только приличные, интеллигентные люди, которые любили и уважали Александру Сергеевну.

– Интеллигентные, говоришь? – ухмыльнулась Варвара.

– Особенно вон та противная старуха с пороссячьими глазками и длинным крючковатым носом, которая то и дело утирает сальные губы тыльной стороной ладони. Честно говоря, я просто теряюсь в догадках, кто же она такая – подруга детства, преподавательница музыки или заядлая театралка?

– Скажешь тоже, отмахнулась я. – Это Зинаида Ивановна Миримская, соседка с третьего этажа. – Выражение брезгливости и неприязни невольно отразилось на моем лице. – Дама весьма злобная, бесцеремонная и не в меру любопытная.

– Оно и видно, – хмыкнула Варвара, – вон как шарит своими заплывшими глазенками по полкам и книжным шкафам, будто пытается найти там что-то ценное. Непонятно другое, что общего могло быть у этой наглой деревенской бабы с образованной и утонченной Александрой Сергеевной.

– Абсолютно ничего, кроме общего прошлого. Семья Зинаиды Миримской живет в этом доме испокон веков. Ее дед был управляющим у Павла Кондарева, а мать служила горничной.

– Вот это да, – удивленно присвистнула Варвара, – так, значит, наши старушки не из простых?

– Какой там! Дед Серафимы Сергеевны, тот самый Павел Кондарев, был купцом первой гильдии и весьма зажиточным человеком. До революции 1917 года дом в Потаповском переулке, бывшем Большом Успенском, целиком принадлежал его семье.

– Да, лихо их уплотнили, – покачала головой Варвара, – видать, тяжело было после целого четырехэтажного дома оказаться в трех небольших комнатках, причем на последнем этаже...

– И не говори, подхватила я, – насколько мне известно, даже у бывшей прислуги Миримской квартира больше.

– Странно, – задумчиво заметила Варвара, – неужели при подселении Кондаревы не могли оставить себе комнаты побольше, ну или хотя бы этаж выбрать пониже? Без лифта сюда особо не набегаешься, потолки-то не два семьдесят, как в наших новостройках.

– Несколько лет назад, в очередной раз затаскивая на четвертый этаж тяжелые сумки с продуктами, этот вопрос и я задала себе. Так Серафима Сергеевна заявила, что их бабка Пелагея Кондарева костями легла, чтобы оставить себе именно эти комнаты. Здесь, видите ли, размещался рабочий кабинет, приемная и комната отдыха ее мужа Павла Петровича и она никак не могла пустить сюда посторонних. Крайне недальновидный поступок для такой умной и предусмотрительной женщины, какой, судя по рассказам Серафимы, была ее бабка!

– Как знать, – хитро улыбнулась Варвара и снова заглянула через приоткрытую дверь в гостиную, где собравшиеся продолжали говорить теплые слова об Александре Сергеевне. – Лель, а вон тот мордатый мужик в дорогом костюме, усиленно налегающий на спиртное, он кто? Неужели бывший ученик? Правда, не представляю, на чем он играет такими-то ручищами...

– На чужих нервах, – я снова не смогла сдержать раздражения, но этот сосед Серафимы Сергеевны был мне особенно неприятен. Завидев его издали, я специально замедляла шаг, чтобы лишний раз не сталкиваться с ним в подъезде.

– Не поняла, – Варвара оторвалась от созерцания жующего мужчины и повернулась ко мне, – тебе-то он чем не угодил?

– Мне? Нет, дело не во мне, это он моим старушкам голову морочил. Пытался продать их квартиру с проживанием.

– Так он маклер? – наконец сообразила Варвара.

– Именно, причем не самый чистоплотный. Я навела о нем справки, маклером он стал лет пять назад, а до этого сидел за какие-то финансовые махинации.

– Думаешь, хотел нажиться на одиноких пенсионерках?

– Однозначно! Он их пару месяцев обхаживал, конфеты носил, тортики, за лекарствами в аптеку бегал, а потом покупателя привел, солидного такого дядьку, серьезного. Тут-то у моих старушек глаза и открылись. А то они по простоте душевной думали, что Гриша им просто так сладости носит.

– Ну а дальше что было?

– Дальше?... Да ничего! Серафима Сергеевна позвонила мне, а мы с Максом быстренько объяснили этому жулику, что старушки не одинокие и в обиду их никто не даст.

– И все? – недоверчиво переспросила Варька. – Он сразу от них отстал?

– Да вроде отстал! По крайней мере Серафима мне больше никогда на него не жаловалась.

– Тогда я совершенно не понимаю, что он делает здесь, на поминках Александры Сергеевны? Неужели это ты его позвала? Да таких людей даже близко к квартире подпускать нельзя, не то что за стол сажать!

– Не говори глупостей, никого я не звала. Просто ты никак не даешь мне объяснить! Гриша – единственный сын Зинаиды Миримской, он живет этажом ниже и сюда пришел без всякого приглашения.

– Ах вот оно что! Оказывается, их тут целая семейка. А кто-то утверждал, что за столом собрались только приличные люди! – Варька взялась за ручку двери, намереваясь приоткрыть ее по шире. – Ну-ка поглядим, какие еще «интеллигенты» притаились на другом конце стола.

– Ну все, Варвара, хватит! – не выдержала я и прямо перед носом подруги решительно захлопнула кухонную дверь. – Здесь тебе не цирк, проверь лучше мясо в духовке, думаю, пора подавать горячее.

Все разошлись около девяти, мы с Варькой перемыли посуду, убрались на кухне и, совершенно обессиленные, повалились на диван в гостиной. Серафима, наблюдавшая за нами со своего излюбленного кресла у окна, с сожалением проговорила:

– Мне так неловко, девочки, что вы целый день провели на ногах, даже за стол толком не присели. Устали небось?

– Не берите в голову, тетя Симочка, все нормально.

Я незаметно бросила взгляд на притихшую женщину. Выглядела Серафима Сергеевна из рук вон плохо, за последние три дня она сильно сдала, осунулась и постарела. Черты ее лица заострились, а под красными от слез глазами залегли темные тени. Поймав мой сочувственный взгляд, Серафима попыталась улыбнуться. Но улыбка вышла вымученной, больше похожей на гримасу.

– Сегодня я собственными глазами видела, как гроб с телом моей сестры опустили в землю, – борясь со слезами, заговорила она, – но я до сих пор не могу поверить, что Санечки больше нет рядом. Мне кажется, ее душа где-то здесь, в этой квартире. Каждую ночь лежу без сна и прислушиваюсь... И знаете, иногда мне кажется, что я слышу ее шаги по коридору, или вдруг хлопнет форточка в Сашиной комнате, а вчера мне слышались звуки рояля... Звучал Реквием Моцарта... Санечка любила его играть под плохое настроение...

– Тетя Симочка, хорошая моя... – Поднявшись с дивана, я присела на подлокотник кресла и обняла Серафиму Сергеевну за худенькие, слегка подрагивающие плечи, – вы же понимаете, это все нервы...

– Конечно, Лелечка, нервы и проклятая бессонница! Но мне все время кажется, что Санечка где-то рядом, будто ее душа мечется и пытается сказать мне что-то... от чего-то предостеречь!

– Серафима Сергеевна, – вмешалась Варвара, – вам необходимо выпить снотворного и хорошенько выспаться. Иначе вы доведете себе до нервного срыва!

– Да, Варенька! Я обязательно сделаю это, но только не сегодня ночью!

– Именно сегодня! У вас был такой тяжелый день! Любой бы на вашем месте с катушек съехал!

– Нет, – упрямо повторила Серафима, – только не сегодня! Этой ночью я буду прощаться с Сашенькой!

У меня слезы навернулись на глаза, когда я услышала такое от всегда рассудительной и здравомыслящей Серафимы. «Уж не помутился ли ее рассудок, мелькнуло у меня в голове, – смирится ли она с потерей самого близкого человека, сможет ли жить как прежде или прошлое затянет ее черной, бездонной воронкой?»

– Серафима Сергеевна, а у меня к вам предложение, – неожиданно для самой себя выпалила я, – поедemте к нам. Поживете недельку-другую в Никиной комнате, отдохнете немного, успокоитесь, а как только захотите, сразу вернетесь домой.

Серафима взглянула на меня с благодарностью, но, покачивая головой, произнесла:

– Спасибо тебе, девочка, за заботу, но я никуда не поеду!

– Вы нас совершенно не стесните, как раз наоборот, все будут только рады! – предприняла я еще одну попытку. – Дети обожают ваши пирожки с капустой, а Макса хлебом не корми дай обсудить с вами последние политические новости.

– Соглашайтесь, Серафима Сергеевна! – поддержала меня Варвара. – Вам сейчас одной никак нельзя! Когда человек один, ему в голову приходят только грустные мысли. А в Лелькином шумном семействе вам будет гораздо легче справиться с утратой.

– Не волнуйтесь за меня, девочки, – Серафима Сергеевна решительно выпрямилась в кресле и посмотрела на нас таким взглядом, что мы сразу поняли, продолжать разговор дальше бессмысленно. – Я привыкну, обязательно привыкну, все же привыкают, значит, и я смогу!

– Дело ваше, – с легкой обидой ответила я, но, если вдруг передумаете, дайте только знать, Максим приедет за вами в любое время дня и ночи.

– Договорились, – кивнула Серафима и как бы между прочим бросила взгляд на часы. – Ой девочки, а времени-то сколько! Начало первого! Как же вы домой доберетесь? – Нормально доберемся, – нехотя поднимаясь с дивана, бросила Варька, – я на машине, а за Лелей с минуты на минуту приедет Макс.

Стоило ей только проговорить это, как в прихожей раздался звонок. Уставшая от томительного ожидания Варвара тут же бросилась одеваться, а меня задержала Серафима. – Мне нужно поговорить с тобой, Лелечка, – таинственным шепотом произнесла она, а потом многозначительно добавила: Наедине!

– Я слушаю вас.

– Нет, не сейчас. Это будет долгий и серьезный разговор, а сейчас мы слишком устали и взволнованны. Но тянуть с этим нельзя, так что приезжай ко мне завтра, часикам к пяти, сможешь?

– Конечно смогу.

– Вот и отлично, тогда до завтра.

Всю дорогу до дома меня не отпускало необъяснимое чувство тревоги, и, только ложась спать, я немного успокоилась. «Надеюсь, за ночь с Серафимой ничего плохого не случится, а уж завтра я смогу уговорить ее пожить у нас какое-то время»...

Глава 5

Тайна семьи Кондаревых

Новый дом Кондаревых тут же приобрел славу одного из самых гостеприимных и хлебосольных домов в Москве. Не будучи стесненной в средствах, Пелагея Филипповна часто устраивала различные праздники, благотворительные обеды, музыкальные и танцевальные вечера. На них она с удовольствием блистала красотой, остроумием, а также многочисленными драгоценностями, которые щедрый муж дарил своей любимой Полюшке по поводу и без. Сам Павел Кондарев не слыл большим любителем светских развлечений, воспринимал их скорее как досадную необходимость, однако никогда не стеснял жену в средствах и был готов потакать любым ее прихотям. Тем более что с недавних пор у него самого появилось новое дорогостоящее увлечение, по сравнению с которым деньги, потраченные на балы и приемы, казались сущими пустяками.

А началось все, как обычно, с легкой руки Пелагеи Филипповны. Подарок мужу на сорокалетие Полюшка выбирала долго и тщательно и наконец остановилась на нефритовом портсигаре, украшенном золотом и бриллиантами работы Карла Фаберже. Павел Петрович по достоинству оценил подарок. Мгновенно узнаваемая изящная вещица радовала глаз и без лишних слов говорила окружающим о статусе и благосостоянии своего владельца. За портсигаром последовали часы, затем перстень, запонки... Изделия с клеймом Карла Фаберже вызывали у Павла Петровича немое восхищение, с помощью этих дорогих безделушек он возвышался над толпой и попадал в круг избранных. Спустя год он уже владел обширной коллекцией работ Карла Фаберже, среди которых были комплект для письменного стола из оникса, инкрустированный золотом, серебряные подсвечники, малахитовая табакерка и пара нефритовых фигурок животных. Однако его самой заветной, но пока несбыточной мечтой оставалось пасхальное яйцо работы великого мастера. Первое такое яйцо было создано в 1885 году по заказу Александра II как пасхальный сюрприз для жены Марии Федоровны. Обыкновенное на первый взгляд, оно было выполнено из золота и покрыто плотным слоем белой эмали. Скорлупа легко разделялась на две части, и там, в полусфере золотого желтка, как в лукошке на яйцах, сидела крохотная курочка. Однако чудеса на этом не заканчивались, курочка тоже содержала сюрприз, причем не один, в ней хранилось два миниатюрных предмета: рубиновое яичко и императорская корона. Императрица была так очарована подарком, что Фаберже, превратившийся в придворного ювелира, получил заказ изготавливать по яйцу ежегодно.

Следующий император, Николай II, сохранил и приумножил эту традицию, он заказывал к каждой Пасхе два яйца и дарил одно матери – вдовствующей императрице Марии Федоровне, другое жене – Александре Федоровне. Серия императорских яиц пользовалась такой славой, что фирма Фаберже выполнила несколько изделий и для частных заказчиков. По слухам, эти яйца не были такими роскошными, как императорские, и не являлись оригинальными, зачастую повторяя тип, придуманный для царских подарков, однако обладать таким яйцом стало мечтой и навязчивой идеей Павла Петровича.

Народу в этот утренний час в магазине было немного, Серафима неторопливо брела по рядам, толкая перед собой тележку, нагруженную продуктами. Пакет молока, гречка, килограмм сахара, пряники, пачка зеленого чая с жасмином... В голове она невольно пыталась восстановить список, который обычно составляла для нее сестра перед походом в супермаркет. Притормозив перед стеллажом с кофе, Сима по привычке задумалась. «Что лучше взять, молотый или в зернах? Возьму, пожалуй, в зернах, – решила она, Сашенька так любит запах свежемолотого кофе... Вернее, любила...»

От этих мыслей на глаза Серафимы невольно навернулись слезы, мысли о сестре не оставляли ее ни на минуту, даже в магазин Серафима отправилась с одной только целью – сбежать из квартиры, где каждая мелочь напоминала ей об Александре. Сестра была повсюду – в ее любимых фиалках на подоконнике, в нотах, забытых на пюпитре открытого пианино, в вышитых крестом подушках на стареньком гобеленовом диване и в брошенной на кресло цветастой шали. В коридоре по-прежнему пахло ее духами, а на комоде перед зеркалом стоял тубик розовой губной помады. Все вещи были на месте, не было только ее Сашеньки. Серафима никак не могла свыкнуться с этой мыслью, ей казалось, что со смертью Александры время должно остановиться, мир вокруг нее рухнуть, и тогда она просто закроет глаза и перестанет дышать. Однако старинные часы с кукушкой продолжали свой монотонный ход, отмеряя дальше секунды, минуты, часы – часы полного одиночества... Мир, как ожидала Серафима, не рухнул, время не остановилось, но жизнь потеряла краски, стала тусклой и бессмысленной. Теперь на этом свете Серафиму держала только тайна... Тайна рода Кондаревых... «Надеюсь, бабушка Пелагея простит меня, бормотала Сима, с трудом толкая по проходу тяжелую от ненужных продуктов тележку, – но я устала держать этот груз в себе, у меня нет детей, нет внуков, с моей смертью род Кондаревых прекратит свое существование, поэтому я вынуждена сделать выбор. Позволить умереть нашей семейной тайне вместе со мной или открыть ее постороннему человеку?... Хотя, если разобраться, разве Леля мне посторонняя?...» Поглощенная своими мыслями, Серафима не заметила, как обошла весь магазин. «Нужно заплатить за продукты и идти домой, совсем скоро придет Леля и, не застав меня, начнет волноваться». Решительно развернув тележку, она зашагала к кассе, но была вынуждена замедлить шаг. Серафиме вдруг показалось, что свет вокруг нее меркнет, а земля стремительно уходит из-под ног... Последнее, что она запомнила, крик спешащей к ней продавщицы...

Очнулась Серафима спустя несколько часов в больничной палате. Во рту пересохло, нестерпимо болела голова, ныло и саднило запястье. Собрав остаток сил она простонала:

– Пить! Дайте, пожалуйста, пить...

Послышался скрип кровати, шарканье шагов, и над Серафимой склонилась незнакомая молодая женщина в пестром махровом халате.

– Что, бабуль, очнулись? Ну и слава богу!

– Очень хочется пить, – снова повторила Серафима. Говорила она с трудом, каждое слово отдавалось в голове тяжелым болезненным ударом.

– Сейчас, бабуленька, сейчас, моя хорошая, я вас напою, – соседка уже наливала в стоящий на тумбочке стакан минеральную воду, – а потом за врачом сбегаю. Любовь Георгиевна уже несколько раз в палату заглядывала, да вы спали.

Выпив залпом стакан воды, Серафима Сергеевна почувствовала себя немного лучше, она оперлась рукой о край кровати и попыталась сесть. Однако запястье пронзила острая боль, Серафима невольно вскрикнула и упала обратно на подушки.

– Что вы делаете? – бросилась к ней соседка, направившаяся было к двери. – Вам прописан строгий постельный режим. Любовь Георгиевна сказала, что при падении вы сильно ударились затылком и вывихнули руку. Лежите, я побежала за врачом.

– погоди, деточка! – Преодолевая головную боль, Серафима немного поднялась на подушках. – Тебя как зовут?

– Катя, а что?

– Катенька, мне нужно срочно сделать один звонок! Ты не знаешь, где мои вещи?

– Вроде в тумбочке, – растерянно пробормотала девушка, – но, может, сначала позвать Любовь Георгиевну?

– Нет, это точно подождет, – Серафима приподнялась на подушках и потянулась к тумбочке, молоточки в голове застучали с утроенной силой. Больше всего ей сейчас хотелось закрыть глаза и провалиться в спасительный сон, но об этом не могло быть и речи. – Деточка,

помоги мне, – окликнула она до сих пор стоящую в дверях соседку, – найди в тумбочке сумку, открой и достань из нее телефон.

Катерина нехотя повиновалась, и вскоре в руках у Серафимы уже был ее старенький мобильный. Как она и ожидала, на дисплее мигало пять пропущенных вызовов, и все они были от Ольги Погодиной. Ответила Леля сразу, Серафиме даже показалось, что она услышала ее голос раньше, чем телефонные гудки.

– Тетя Симочка, где вы? – взволнованно закричала я в трубку. – Мы же договаривались на пять, а уже половина восьмого? Я тут с ума схожу, обзвонила всех подруг и соседей!

– Не волнуйся, Лелечка, со мной все нормально. Я в больнице.

– В какой больнице? – опешила я.

Серафима повернула голову к угрюмо сидящей на кровати Катерине и спросила:

– Деточка, это какая больница?

– Двадцать четвертая.

– В двадцать четвертой, на Страстном бульваре, – Серафима говорила ровным, спокойным тоном, и я сделала вывод, что по крайней мере на данный момент ее жизни ничего не угрожает. – Я потеряла сознание в магазине, и меня привезли сюда по «скорой». Но ты, Лелечка, не волнуйся, все обойдется...

– Обойдется, – взвилась я, – да знаете ли вы, как опасно в вашем возрасте любое падение! Вы могли сломать руку, ногу или чего похуже! Все-таки зря я вас вчера послушала и оставила дома одну. Но больше такого не повторится. Я сейчас же еду в Потаповский и собираю вещи...

– Обожди, торопыга! – прервала меня Серафима. – Обязательно поедешь, но только не сегодня, а завтра... Сегодня у тебя есть дело поважнее...

– Ну уж нет, на этот раз вам не удастся меня уговорить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.